

СПИСКИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Публикация Л. А. Евстигнеевой

Публикуемые списки русских пословиц и поговорок написаны рукою Слепцова на трех разрозненных листках, сохранившихся среди бумаг писателя в Пушкинском доме. По всей вероятности, эти листки из разных записных книжек Слепцова, так как по своему характеру все три списка существенно отличаются друг от друга. Возникает вопрос о происхождении списков: были ли пословицы выписаны из какого-нибудь сборника русского народного творчества или это пословицы, которые Слепцов собственноручно собрал, записал и частично систематизировал, услышав их непосредственно из уст народа.

Интерес к фольклору появился у Слепцова очень рано. Еще будучи студентом Московского университета, он познакомился с профессором М. Я. Киттары и В. И. Далем, «которые очень полюбили его и пригласили бывать у них»¹. В тот год Даль заканчивал труд всей своей жизни — «Толковый словарь живого великорусского языка» (окончен в 1860 г.) — и готовил к печати сборник «Пословицы русского народа» (вышел в 1862 г.). Вполне вероятно, что Слепцов познакомился с этими работами еще в рукописи. Поэтому, когда в 1859 г. этнографический отдел Географического общества (постоянным членом которого был Даль) предложил Слепцову отправиться в пешеходное путешествие по Владимирской губернии, он сразу же согласился. Итогом этого путешествия явились очерки «Владимирка и Клязьма».

С тех пор Слепцов, подобно А. И. Левитову, П. И. Якушкину, Е. Южакову, С. В. Максимова, П. Н. Рыбникову, Н. К. Отто и другим, не раз отправлялся в странствия по России. «Калики перехожие», называла эту группу писателей «Искра».

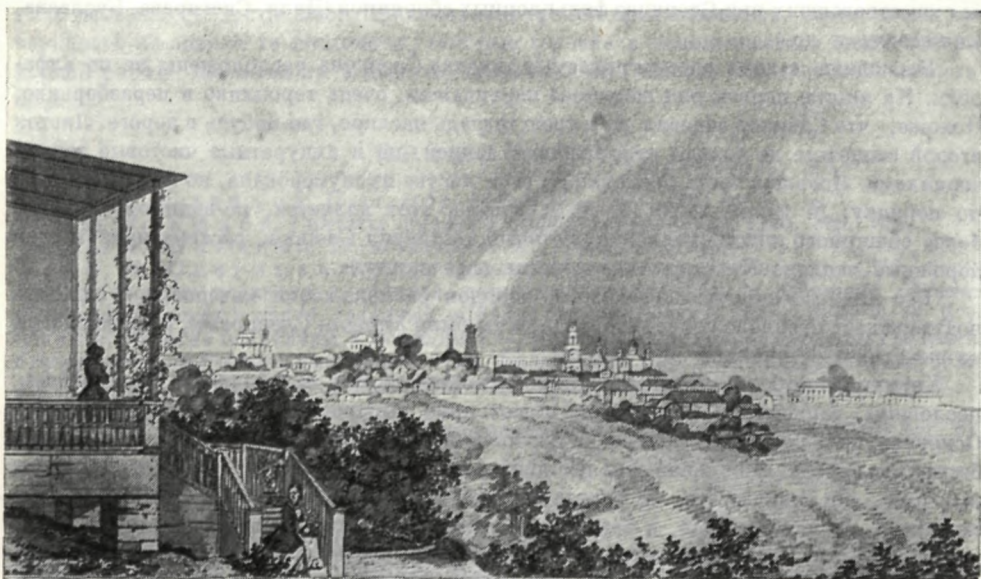
Слепцов обладал редким для интеллигента умением вступать в духовное общение с людьми из народа. Об этом свидетельствует П. В. Быков: «Он умел сближаться с мужиком, с мещанином, с военным человеком низшего ранга и с самых молодых лет, знакомясь с народом, знал хорошо и быт его и многие черты, ярко характеризующие его душевный мир»². О том же вспоминает А. Я. Панаева: «Вообще у Слепцова в голосе было что-то ласкающее, так что люди из простого класса из самых мрачных и молчаливых становились с ним разговорчивыми до откровенности. Я любила слушать, когда Слепцов беседовал с кем-нибудь из этого класса людей, с каждым из них у него был особенный слог, который совпадал с языком какого-нибудь мастерового, мужика, рабочего или торговки-бабы. Он так умел шутить с ними, что они от души смеялись»³.

Произведения Слепцова свидетельствуют о том, с каким пристальным вниманием прислушивался писатель к народным изречениям. Интерес к фольклору не был у него дилетантским. Во «Владимирке и Клязьме» есть страницы, где Слепцов дает довольно подробное и лингвистически грамотное описание диалектов Владимирской губернии. Он регистрирует изменение оканья, сравнивает его с московским наречием, анализирует употребление частиц во владимирском диалекте (I, 318—319). То же и в «Письмах об Осташкове». Слепцов не забывает упомянуть, что осташковцы говорят «горазно» или «горазже» вместо «гораздо»; «в силу» вместо «насилу»; «не» вместо «нет» (II, 175, 176, 194). Такой исследовательский подход к народному языку можно обнаружить и в публикуемых списках пословиц.

Один из списков является какой-то заготовкой материалов, заимствованных из далековского «Толкового словаря». Слепцов выписывает большинство пословиц, которые приводит Даль под рубрикой «авось», и регистрирует значение и произношение этого слова.

Но пословицы не механически списаны из I тома «Толкового словаря» (стр. 3—4). Слепцов в своих целях перестраивает их порядок: 4-ю списывает после 25-й, 3-ю — после 26-й, да и вообще из всех пословиц выбирает лишь наиболее меткие, имеющие социальную окраску (2, 6, 10, 23, 24 и т. д.).

Список этот был сделан, очевидно, в самом начале 1860-х годов (в 1863 г. вышел из печати I том «Словаря») или даже раньше, если предположить, что Слепцов познакомился со словарем Даля еще до его издания.

ВЛАДИМИР. ОБЩИЙ ВИД.

Рисунок С. Рыбинского, 1849 г.

Русский музей, Ленинград

Сложнее определить характер двух других списков. Скорее всего, это пословицы, собранные самим Слепцовым. Для точной датировки списков нет данных. Возможно, что они возникли в 1860-е годы, когда создавались «Владимирка и Клязьма» и «Письма об Осташкове». Многие пословицы имеют соответствие в «Толковом словаре» Даля или в его же «Пословицах русского народа». Однако полного сходства, как правило, нет. Из 36 пословиц только 14 записаны у Слепцова в той же редакции, что и у Даля, а остальные даны в ином варианте или совсем отсутствуют. Приведем несколько наиболее характерных примеров:

С л е п ц о в

Д а л ь

Голый, что святой: беды не боится.

На голом, что на святом: нечего взять
(т. I, стр. 16).

Нужда запаса не знает.

Нужда закона не знает (т. II, стр. 559).

За чужое лычко ремешок отдашь.

Возьмешь лычком, отдашь ремешком
(т. II, стр. 276).

Голодухиной волости, села Обнишухина

Обыватель Голодалкиной волости,
села Обнишухина (т. I, стр. 66).

Несколько пословиц можно найти и в других печатных пословичных сводах, но опять-таки полного соответствия с пословицами из списков Слепцова они не имеют ⁴. Например:

С л е п ц о в: Нужда железо переедает.

С н е г и р е в: Нужда железо ломает
(стр. 301).

С л е п ц о в: И бог не возьмет, как
нет ничего.

Б у с л а е в: И бог не возьмет, как
чего нет (стр. 11).

Такие пословицы как «черно, черно индо синё», «нужда, что ржа», «живи для людей, поживут люди для тебя», «сам на себя на радость никто не живет», «ей щенка, вишь, да чтоб не сукин сын» и некоторые другие не удалось обнаружить ни в одном из существовавших при Слепцове фольклорных сборников (Даля, Снегирева, Буслаева, Княжевича и др.).

Пословицы в двух рассматриваемых списках Слепцова расположены не по алфавиту. На листке первом они записаны карандашом, очень торопливо и неразборчиво. Похоже, что Слепцов заносил их в свою тетрадь наскоро, где-нибудь в дороге. Листок второй содержит не только карандашные записи, но и аккуратные чистовые записи чернилами. Большая часть пословиц на этом листке пронумерована, но номера идут не по порядку: № 10, № 1, № 15, № 3. Листок этот является, по-видимому, частью более обширного списка пословиц, который составлял Слепцов, систематизируя свои дорожные записи. Некоторые пословицы перечеркнуты.

Все это, особенно внеалфавитный порядок расположения материала в списках, подтверждает предположение, что пословицы были *собраны* Слепцовым, а не выписаны из печатных источников для работы.

Характерен отбор пословиц в первых двух списках. Все, за небольшим исключением, пословицы, записанные Слепцовым, имеют ярко выраженную социальную окраску. Основная тема пословиц: обличение сословно-имущественного неравенства, нищета и бесправие народа. В большинстве пословиц говорится о бедности: «доели хлеба до голых рук», «ни задавиться, ни зарезаться нечем», «шапка волосяная, рукавицы своекожаные», «и наго, и босо, и без пояса», «семерых в один кафтан согнали».

Некоторые пословицы отражают характерные черты русского народа, его отношение к труду — «не будет и скуки, как заняты руки», «даровой рубль дешев, наживной — дорог»; «мирское», «артельное» начало — «не держи сто рублей, держи сто друзей», «живи для людей, поживут люди для тебя»; правдолюбие — «хлеб-соль ешь, а правду режь».

Другие раскрывают тему общественного неравенства: «не в том углу сидишь, не те песни поешь», «когда деньги говорят, тогда правда молчит». И наконец, есть группа пословиц бытовых, диктующих нормы морали: «что нальешь, то и выпьешь», «больше той любви не бывает, как друг за друга умирает» и т. д.

Общая тенденция пословиц, собранных Слепцовым, свидетельствует, что писатель искал в них правду о жизни народа. Об этом писал еще Горький, сравнивавший Слепцова с Якушкиным и противопоставлявший их Рыбникову, Киреевскому, Сахарову и другим, которые собирали материал фольклора, — песни, от помещичьих хоров, т. е. материал, цензурованный помещиками, искаженный. Якушкин „черпал“ его непосредственно „из уст народа“, на сельских ярмарках, на базарах» ⁵.

Слепцов, как и Якушкин, «черпал» фольклорный материал в народе, и ему по пути попадался

Всё-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель ⁶.

Как же использовал Слепцов фольклор в собственном творчестве? Можем ли мы в его произведениях найти хотя бы некоторые из этих пословиц? Рассказы и очерки Слепцова щедро насыщены песнями. В одном только первом томе собрания сочинений Слепцова насчитывается более двадцати песен, подслушанных им у народа. Тут и «Шел из Питера штафет», и «Черная галка, чистая полянка», и фабричные

частушки, и даже исторические песни про вора-Гаврюшу и Краснощекова. В каждом произведении Слепцова можно найти меткие народные словечки, простонародные выражения: пленды, постокась, напасёсси, евонный и т. д. Но во всех его рассказах, очерках, романах мы смогли обнаружить всего-навсего семь пословиц и поговорок (в рассказе «Ночлег», во «Владимирке и Клязьме» и в «Хорошем человеке»).

Среди них нет ни одной из публикуемых нами.

А между тем на листке втором сохранились следы работы Слепцова над собранными им пословицами — нумерация и вычеркивания. Возможно, что Слепцов, сверяя собранные им пословицы со словарем Даля, зачеркивал те из них, которые были уже опубликованы. Так, были зачеркнуты пословицы «умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит» (есть у Даля, т. I, стр. 36), «сухая ложка рот дерет» (т. IV, стр. 366), «зачем к Варваре, как свое в кармане» (т. II, стр. 93), «что нальешь, то и выпьешь» (т. I, стр. 306). Правомерно и другое предположение. Слепцов мог вычеркивать из списка те пословицы, которые готовился использовать в своей литературной работе, перенося их в другой, более полный список, впоследствии затерявшийся.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. А. Слепцов. Полн. собр. соч. СПб., 1903, стр. 4.

² П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, стр. 182.

³ А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1956, стр. 336.

⁴ И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и поговорки. СПб., 1848; «Новый сборник пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притч, изданных в 1848 г. И. Снегиревым». СПб., 1857; Ф. И. Буслаяев. Русские пословицы и поговорки. — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Ник. Калачевым», кн. II, половина II, М., 1854.

⁵ Письмо М. Горького в редакцию «Лит. наследства». — «Лит. наследство», т. 3, 1932, стр. 147.

⁶ Н. А. Некрасов. Деревенские новости. — Собр. соч., т. II, М., 1948, стр. 98.

<1>

Голодухиной волости села Обнищухина.

Голь-голянский — сын дворянский.

Шапка волосяная, рукавицы своекожаные.

Доели хлеба до голых рук.

Ни кола, ни двора, ни пригороды.

Семерых в один кафтан согнали.

Ни задавиться, ни зарезаться нечем.

И наго, и босо, и без пояса.

Голь да перетыка.

Черно, черно, индо синё.

Нужда запаса не знает.

Нужда железо переедает.

Нужда, что ржа.

И бог не возьмет, как нет ничего.

Нищий на нищем не ищет.

Голый, что святой: беды не боится

<2>

[№ 10] За чужое лычко ремешок отдашь.

№ 1. [Без ума голова — пивной котел.]

№ 15. Даровой рубль дешев, наживной дорог.

№ 3. [Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит.]

№ 13. [Сухая ложка рот дерет.]

[№ 8. Не будет и скуки, как заняты руки.]

№ 14. [Хлеб-соль ешь, а правду режь.]

№ 15. [Зачем к Варваре, как свое в кармане.]

№ 18. Лишь бы пилошь, да елось, а дело на ум не шло.

№ 18. [Что нальешь, то и выпьешь.]

№ 15. Не держи сто рублей, держи сто друзей.

Когда деньги говорят, тогда правда молчит.

Живи для людей, проживут люди для тебя.

Сам на себя на радость никто не живет.

Все бобры добры до своих бобрят.

Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает.

И худой Ермил да мил, а и хороший Влас да подальше от нас.

Не в том углу сидишь, не те песни поешь.

Ей щенка, вишь, да чтоб не сукин сын.

Не дают — просят, а дадут — бросит.

<3>

Авось наречие

(а-во-се).

Межд<ометие> начин<ательное> и два наречия указат<ельные>:
а вот, сейчас.

[Авось — вся надежда наша.]

[На авось мужик и хлеб сеет.]

[Русак на авось и взрос.]

[Авось — плут, обманет.]

[Авось до добра не доведет.]

[Авось — великое слово.]

[Авось — не бог, а полбога есть.]

[Авось живы будем, авось помрем.]

[Авось — дурак, с головою выдаст.]

[Авось — хоть брось.]

Держись за авось, пока не сорвалось.

Кто авосничает, тот и постничает.

[Авось, небось, да третий как-нибудь.]

Авось с небосем водились, да оба в яму свалились.

Может быть, станется, сбудется.

Автограф. ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1930.